

родом из Италии, бывшего графа (χομηζ) итальянского города Гравины; последний, будучи выгнан вместе со многими другими из своих владений сицилийским тираном (герцогом Норманнским), перенес вследствие того на сторону императора (Византийского). Им было дано поручение разведать намерения чужеземцев, и если они станут уверять, что они идут не на погибель греков, то потребовать от них клятвенного подтверждения. Когда послы были приведены к вождям варваров (западных европейских), они говорили им следующим образом:

«Напести войну без всякого ее объявления и притом людям, не причинившим никакой обиды, еще никто не считал делом святым или честным; особенно этим не могут гордиться те, которые обладают и благородством, и могуществом. В случае победы она не будет приписана их храбрости; если же они будут побеждены, то никто не скажет, что они по доблести подвергали себя опасностям. И в том, и в другом случае им не будет никакой похвалы. Потому и вам не падает вступать в землю греков прежде, чем вы обяжетесь клятвенно не причинять оскорблений императору. Если же вы не желаете клясться, то почему вам не объявить войны прямо? С греками опасно вести даже и внезапную войну; присоединяя же к тому вероломство, вы должны будете иметь дело и с могуществом греков. Но если ваша дружба искренна и чужда коварства, то, утвердив ее клятвой, вы можете спокойно идти по владениям великого императора и пользоваться гостеприимством и другими знаками благоволения».

Так говорили послы. Чужеземцы же, собравшись в ставке Конрада, немецкого короля (Κορράδος τοῦ Ἀλαμάνων ῥηγος), так как он занимал первое место среди западных народов, уверяли, что они пришли вовсе не для нанесения обид грекам, и, если то нужно, готовы подтвердить свои слова клятвой; им будет тем легче, говорили они, дать такую клятву, ибо их поход имеет целью Палестину и турок, опустошающих Азию своими набегами. Они немедленно доказали свои слова на деле, как те, которые были вельможами короля, так и те, которые занимали какие-нибудь высокие должности; я разумно герцо-

гов и графов. У них каждая должность имеет свои привилегии, получаемые от императорского достоинства, стоящего выше всего и от которого происходят все остальные: герцог выше графа, король выше герцога и император стоит над королем. Тот, кто выше всех, подчиняется высшему по самой сущности дела, делит с ним тяжести войны и повинуются во всем прочем. Потому лицо, именуемое у греков βασιλευς, называется у латинцев *император* и пользуется верховной властью; короли же избираются по установленному порядку. Таковы у них различные стеснения достоинств.

По исполнению возложенного на них поручения послы возвратились в Византию, а короли продолжали предприятый ими путь, но, впрочем, не вместе: впереди шел *немец* (Ἀλαμάνος, Конрад), а сзади его на большом расстоянии следовал *француз* (Γαλλάνος, Людовик VII); но почему они так распорядились, мне неизвестно: быть может, каждый хотел вести свое собственное войско или они опасались недостатка съестных припасов. Шли же они в бесчисленном множестве, превосходя собой морской песок, так что и Ксеркс в древности, переплывая Геллеспонт, не мог бы гордиться столькими тысячами. Когда они подошли к Дунаю и все было изготовлено для их переправы, император (Византийский), назначив особых чиновников, дал им приказание стоять на противоположном берегу и отмечать число переехавших на каждом судне; но они, дойдя до 90 тысяч, более не могли успевать считать.

13. Таково множество было их. Когда они подступили к Ниссе, главному городу Дакии, Михаил по прозванию Врана, которому император поручил управление той провинцией, приготовил им все необходимое, согласно императорскому указу. После того они явились к Сардиике, где их встретили двое знатнейших мужей, которые приняли их радушно, как то и следовало, и позаботились о их продовольствии... Но варвары шли спокойно, пока дорога была затруднительна: между Дунаем и Сардикой тянутся обрывистые и малодоступные горы; на всем этом пространстве они не позволяли себе ничего, что